

Научная статья
УДК 930.85
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21>

Опыт визуализации Иерусалима (свой-чужой в центре мира)

Андрей Михайлович Лотменцев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия, avlot@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется визуальная репрезентация Иерусалима, способы описания этого города в текстах паломников, то, каким образом выделялась часть города, подлежащая описанию. Затрагиваются также вопросы сложности восприятия создателями текстов города в целом. Рассматривается аспект визуальной реконструкции города в модели и попытки создания «широкого пространства», воссоздающего не только город Иерусалим, но и города вокруг него. Ставятся вопросы о задачах такой реконструкции, о политических целях подобных действий; о том, почему участие в судьбе Иерусалима было важно для верующих из разных слоев общества. Стремление к Иерусалиму рассматривается как отчасти вынужденная реакция к «овладению Священным». Представлен краткий анализ трансляции образа Иерусалима в Москву, Париж, Белград, Лондон, Мцхету. Исследуются мотивы этих действий. Приводится также перечень исторических лиц, занимавшихся иконизацией святого города, с указанием мотивов их действий.

Ключевые слова: город, Иерусалим, топография, средние века, паломничество, Белград, Мцхета, Лондон

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А.М. Опыт визуализации Иерусалима (свой-чужой в центре мира) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 142–147. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21>.

Original article

The experience of visualizing Jerusalem (on being a friend or foe in the center of the world)

Andrey M. Lotmentsev

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, avlot@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the visual representation of Jerusalem, the ways of describing this city in the texts of pilgrims. The author touches upon the issues of the complexity of the perception of the city as a whole by the creators of texts. The article also considers the issue of visual reconstruction of the city in the model and attempts to create a “wide space” that recreates not only the city of Jerusalem, but also the cities around it. Questions are raised about the tasks of such reconstruction, why participation in the fate of Jerusalem was important for believers from different walks of life. The longing for Jerusalem is seen as partly a forced reaction to “possession of the Holy”. A brief analysis of the transmission of the image of Jerusalem to Moscow, Paris, Belgrade, London, Mtskheta is presented. The motives of these actions are investigated. There is also a list of historical figures involved in the iconization of the holy city, indicating the motives for their actions.

Keywords: city, Jerusalem, topography, Middle Ages, pilgrimage, Belgrade, Mtskheta, London

Funding: the article was prepared within the framework of the project “Earthly city and heavenly city: a medieval city as a mirror of Jerusalem” with the support of Saint Tikhon's Orthodox University and the Living Tradition Foundation.

For citation: Lotmentsev, A.M. (2022) The experience of visualizing Jerusalem (on being a friend or foe in the center of the world). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 142–147. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.21](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21) (In Russian).

По замечанию Умберто Эко, «следует задаться вопросом, а не является ли то, что мы имеем коммуникацией, просто совокупностью каких-то побуждений, стимуляцией» (Эко, 1998). В случае с Иерусалимом попытки наладить визуальную коммуникацию паломников с городом и его объектами, а также воспроизвести топонимику и топографию «известного» города предпринимались с IV в., а с учетом ветхозаветных усилий евреев восстановить город после вавилонского нашествия – намного раньше. В романе Александра Иличевского «Чертеж Ньютона»¹ герой

¹ Иличевский А.В. Чертеж Ньютона. М., 2020.

медленно приближается к своей сверхзадаче: воспроизвести тотальный визуальный образ древнего Иерусалима, спроектировав его на Иерусалим современный. По отношению к такому объекту, как Иерусалим, наблюдатель неизменно оказывается в сложном положении.

Историческая судьба этого города чрезвычайно сложна, поскольку даже важнейшие объекты города многократно уничтожались, перестраивались и интерпретировались с разных профессиональных точек зрения. Сам город предъявлял себя грандиозной иконой, апофеозом Священного и представлял неизвестным перед самыми утонченными знатоками.

Расширить границы Иерусалима в науке удалось А. М. Лидову и Научному Центру восточно-христианской культуры. А. М. Лидов смог аккумулировать усилия ученых, которые исследовали феномен «переноса Иерусалима» с самых разных точек зрения, выявили малоизвестные «иерусалимские проекты» в самых неожиданных хронотопах (например, Лидов, 2019). В целом можно сказать, что проекты грузинских царей, английских королей и сербских деспотов были скорее короточными и не принесли их творцам тех политических бонусов, на которые они рассчитывали.

Исторически Иерусалим выступал объектом притяжения завоевателей: арабы, Фатимиды, крестоносцы, Османы были выгодополучателями подобной экспансии. Очевидно, что попытки захвата Иерусалима чаще всего объяснялись соображениями престижа, иногда – исключительно финансовыми затруднениями правителей. Палестина и Иерусалим в частности были камнем преткновения для создания исламского халифата, объединявшего Африку, Египет, Сирию и Ирак. Мусульмане воспринимали город следующим по значимости после Мекки; для многих из них Иерусалим был чем-то большим, чем «младшей сестрой» Мекки, города Каабы.

Установление контроля над Иерусалимом династией Османов стала окончанием надежд на успех Крестовых походов. При невозможности контроля над городом паломники стремились стать хотя бы зрителями иконы. Идея иконы как гигантской модели время от времени воплощалась, например в такие грандиозные комплексы, как Новый Иерусалим патриарха Никона, ведь зритель также включался в качестве наблюдателя в мир-систему Палестины (небольшое хищение у И. Валлерстайна).

Зададимся вопросом, почему соучастие в судьбе Иерусалима было настолько важно для верующих. Доиндустриальное общество синонимично крестьянскому. Понятия о святости земли неизбежно должны были сохраняться у всех крестьян, будь то русские, французы или англичане. «Почвенность» христиан имела все же свою специфику. Если для жителей Святой Земли события, описанные в Библии, были во многом понятны в отношении природно-климатическом, то жители Севера вынужденно смотрели на те же события глазами марсиан. Это может показаться преувеличением, но следует учитывать замкнутость крестьянских общин Средневековья. Для их обитателей даже соседняя крестьянская община могла представляться иным миром. Столь же удаленная Святая Земля была иномирной безусловно.

Следует учитывать и еще один фактор. Если китайские или японские крестьяне, для того чтобы полноценно существовать в психологическом плане, обустраивали свои малые мидгарды многочисленными покровителями общин, всходов (вспомним вечно покровительствующего Тоторо и его окружение от Х. Миядзаки), то европейские крестьяне оказались в положении объекта борьбы Единого, бесконечно далекого Бога и местных покровителей. Эта естественность местных культов объясняет то, что даже в XVI в. в Италии могли появляться такие явления, как *benandanti* К. Гинзбурга.

А.В. Подосинов¹ отмечал традиционность представления о Срединной земле для многих культур, от Китая до Индии (Подосинов, 1999). Сказывались как воспоминания об экономической и политической состоятельности древних государств, так и влияние религиозного фактора. Действительно, трудно представить культуру, в которой не обсуждался бы центр мира, будь то античная или дальневосточная практика. Но вопрос о центре мира был актуален для Аполлодора, Иеронима Стридонского, Сыма Цяня. Для корейского крестьянина или чукотского охотника на китов вопрос о центре мира не стоял. Во всей простоте он был *right here and now*.

Так же обстояло дело и для жителей Иерусалима. Уже евреи, осевшие в Египте, вынужденно искали альтернативу Разрушенному Храму, создавая постройки в Элефантине². В еще более сложном положении оказывались христиане, проживавшие вдали от Палестины. Неизбежно должны были появиться альтернативные центры (Иерусалим к тому же был разрушен Титом Флавием).

¹ К 70-летию юбилею Александра Васильевича Подосинова // Вестник древней истории. 2020. № 2. С. 536–537.

² Иерусалим в веках: в 10 ч. Открытый Университет, 1997–1998. Ривка Нир. От Иевусейского города к столице Израиля. Часть 1. 1997. С. 57–60.

Сначала таким центром для христиан стал Рим со значительной еврейской общиной уже во времена Юлия Цезаря. Затем эту роль принял на себя Константинополь, альтернативой которому пыталась выступить Александрия. Эта борьба, видимо, способствовала ослаблению Империи и предопределила (с многими оговорками) характер раннего Средневековья. Для нас важно, что Иерусалим пришлось воссоздавать заново. Как писал А. М. Лидов, «наблюдатель, обладающий определенным духовным опытом и знаниями, в некотором смысле участвует в создании данного пространственного образа» (Лидов, 2006). Так наблюдатель Нового Иерусалима наблюдал, в сущности, не скромную попытку воспроизвести парковый Иерусалим, а становился частью мир-системы *sub specie Dei*.

Основной проблемой стало отделение священного от светского. При этом священное мыслилось преимущественно как прошлое-в-настоящем, фиксированное в Писании. Но если текст Писания воспринимался как неизменный, хотя его переводы определенно таковыми не являлись, паломник, прибывший в Иерусалим, оказывался в очень непростой ситуации, ведь христианский Иерусалим оказывался для него частью города, контролируемого мусульманами, а во второй половине XX в. – светским еврейским государством. Как зритель Священного он сталкивался с ситуацией, которая совершенно не соответствовала такому положению. В лучшем положении были разве что паломники времен Крестовых походов, когда мусульманам приходилось проявлять некоторую осторожность, когда их допустили обратно после легендарной резни Первого похода.

Что же происходит, если наблюдатель Священного сталкивается с визуальной катастрофой? Случаем, когда в сакральном месте он не может не замечать нарушения сакральности? Одна монахиня православного монастыря рассказала, что, сопровождая паломническую группу, она столкнулась с религиозным евреем, направлявшемся к Стене Плача. Увидев христиан, он сел на землю и заплакал – мир Священного был для него разрушен, по крайней мере в тот день. Можно вспомнить и дискуссии, уже не относящиеся напрямую к Иерусалиму, по поводу панк-молебна Pussy Riot в храме Христа Спасителя.

«Центральность» Иерусалима в итоге заставила ряд древних авторов провести параллели между ним и Эдемом, а также открыла способ соотнесения с ним последующих политических и религиозных центров, т. е. выстраивание рядов вроде Эдем–Иерусалим–Вавилон–Рим–Константинополь–Москва–Новый Иерусалим. Появляется некий конструктор логосов. Ведь очевидно, что Рим не равен Константинополю и тем более Москве. История христианства свидетельствует о том, что сама стратегия переноса является во многом системообразующей. Перенос при этом выступает важнейшим средством религиозной символической экспансии.

Безусловно правители также стремились продлевать символические ряды, создавая новые столицы и смыслы. Так, Петр Первый, вряд ли помнивший об идее Никона, выстроил на месте его проекта Санкт-Петербург с Александро-Невской лаврой, заменившей Новый Иерусалим. Во Франции Людовик Святой переносом важнейших святынь христианства и строительством Святой Шапели, безусловно, подверг Париж такому апгрейду, после которого он мог соперничать с переживающим кризис Константинополем, откуда и были получены артефакты. В английском Вестминстере также предпринимались такие попытки.

Пока мы наблюдаем устремления в Иерусалим только королей и патриархов. Сохранились ли свидетельства интереса к иерусалимской теме горожан или крестьян? Не даст ли ответ на этот вопрос англичанин Джеффри Чосер? Персонаж его «Кентерберийских историй» «славная жена» из Бата (*a good wif was ther of biside Bathe*), дама, выдающаяся во всех отношениях, пусть и не благородного происхождения, трижды побывала в Иерусалиме (*and thries hadde she been at Jerusalem*), не говоря о Сантьяго де Компостелле, Булони, Риме и Кельне. Читатель сталкивается с ней на дороге в Кентербери. Безусловно, география путешествий этой дамы значительна, но что значат три ее путешествия в Иерусалим? Можно лишь предполагать связь с судьбами ее мужей, но сам факт, что она побывала в Иерусалиме трижды, будучи при этом простой ткачихой из окрестностей Бата, говорит об очень многом. В кентерберийском путешествии мы видим ее в компании, но без особого сопровождения. Вероятно, ее путешествия в Иерусалим проходили в сходном окружении. Если рядовая труженица английской глубинки в XIV в. могла позволить себе такие перемещения, можно только догадываться, насколько будничной была подобная ситуация для клириков и монахов многочисленных орденов!

Людовик IX счел, что собора Парижской Богоматери недостаточно и построил Сент-Шапель. Сербь уже после Косовской битвы необдуманно объявили Иерусалимом Белград. Кристоф Харант, христианский паломник из Праги, увидел сходство между храмом Гроба Господня и вполне готическим собором св. Вита в Праге, посетив в 1598 г. Иерусалим. Но ведь еще Карл Люксембург уподоблял св. Вацлава Христу, а Прагу – Иерусалиму. Армяне и грузины взяли за подобные переосмысления и аналогии гораздо раньше, едва ли не до Константина Великого; русские позже, но основательно, когда сам патриарх Московский Никон взялся за строительство

Нового Иерусалима. Сделано было много, но патриарх впал в немилость, царь подумал, что хотя «перенять у него славу» и приказал про «сие забыть».

М. Чхартишвили подробно рассуждает о Мцхете, как о месте, воплотившем многие черты Небесного Иерусалима. Как отмечает исследователь, иератопия А. Лидова позволяет разграничить замысел божественный и человеческий, делая процесс создания сакрального пространства более доступным для научного анализа. «Стремление светских и церковных иерархов... перенести святость Иерусалима на новое место и <...> воссоздать равносильную сакральную среду» объясняется попыткой «узурпировать» реальность иерофании и транслировать ее на новое место (Чхартишвили, 2009). Уникальность Мцхеты, в отличие от довольно многочисленных так называемых Новых Иерусалимов, в том, что попытка воссоздать его осуществлена задолго до аналогичного опыта Белграда, Парижа и Москвы.

Масштабный имперский проект в христианской среде в средние века был немислим без упоминаний о Иерусалиме, Риме и Константинополе. Помимо проекта «Москва – третий Рим» в славянской среде отметим «белградский проект», который отличался скоротечностью, будучи реализованным уже после Косовской битвы. По замечанию Е. Эрделян, после гибели Лазаря Хребельяновича, казалось бы, поставившей точку на суверенности Сербии, его сын Стефан довольно успешно удерживал власть, достигнув ряда договоренностей с султаном Баязидом и осуществив широкую программу репрезентации своего могущества. Есть основания полагать (труды Константина Философа), что Белград репрезентировался в то время, как универсальный центр и Новый Иерусалим, что, по Е. Эрделян, подразумевает сублимацию времени и пространства, слияние неба и земли, подобно тому, как Иерусалим был реализован в Царьграде-Константинополе (Erdeljan, 2017). Вновь мы видим, что Иерусалим представлял основной топос средневековой цивилизации, абсолют, нуклеус, центр, *umbilicus mundi*, начало и конец.

Новый Иерусалим был сооружен патриархом Никоном в подмосковной Истре в целях воспроизведения священной топографии Палестины. По мнению Г. М. Зеленской, он являет собой пространственную икону Священных мест¹. Каким же образом было возможно воспроизведение Иерусалима?

Распространение с конца XVI в. получают разборные модели храма Воскресения Господня, Кувуклии Гроба Господня и Вифлеемской базилики Рождества Господня в основном благодаря деятельности францисканцев. В 1649 г. иерусалимский патриарх Паисий привез в Москву подробный чертеж города. Карты Иерусалима распространяются по всей Европе, причем храм Гроба Господня нередко ставился в центре таких карт. Известна гравюра Рейвиха «Государство Иерусалим» из книги Бернарда фон Брейденбаха «Путешествие в Святую Землю».

В проекте патриарха Никона копией храма Гроба Господня должен был стать Воскресенский собор Нового Иерусалима; было задумано создание максимально близкого приближения к подлиннику, своего рода иконы храма. Вокруг него располагались (по Николаасу Витсену) Вифлеем, Кана, Елеон, Гефсиманский сад, причем Витсен пишет о правильно выдержанном расстоянии от них, чего планировщики Никона, вероятно, не могли себе позволить². Известно, что главным источником при обмерах служил «Проскинитарий» Арсения Суханова, умершего в 1668 г., полгода жившего в Иерусалиме и описавшего достопримечательности Святой Земли в 1650-х гг. Будучи келарем Троице-Сергиева монастыря он исполнял ряд поручений Никона и в частности собрал большую библиотеку в Афонском монастыре.

Само спасение человечества воспринимается как последовательность действий, возможно, абсурдных для обычного восприятия, но имеющих внутренний смысл для субъекта. Это поиск центра мира, которым оказывается в итоге Иерусалим. В фильме Питера Гринуэя «Прогулка через Эйч: Реинкарнация орнитолога» (1978) авторский голос за кадром рассказывает о путешествии по некоторым из 92 карт, состоящих из более чем 1400 листов, по которым неизменно проходит красная линия. Эти карты были переданы неким Тульсом Люпером, возможно, альтер эго автора, узнавшим о его болезни. Результатом стал фильм, в центре которого продвижение к некоему городу Н, которым может быть как Иерусалим, так и другой совершенно неизвестный город. Подобный «путь к раю» был описан Петером Корнелем в известном труде «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи», предисловие к которому было не случайно написано Милорадом Павичем, прекрасным знатоком Белграда, как помним, одного из многих Иерусалимов. Многочисленные параллели с горой Сент-Виктуар Сезанна, идеей Иерусалима как колыбели человечества, куда оно обязательно вернется, сама идея города как универсального

¹ Зеленская Г. М. Новый Иерусалим: Путеводитель. М., 2003. С. 95–98.

² Там же. С. 84–92.

пространства, ее преломление французскими сюрреалистами повлияли на многих урбанистов и современных гностиков¹. Идеи движения и визуализации оказываются тесно взаимосвязанными.

Как мы увидели, под проектами (возможно множественное число) Нового Иерусалима подразумевается, как принято говорить, трансляция, иначе говоря, передача визуального образа. Безусловно, самые утопически настроенные трансляторы осознавали, что Москва не Рим и не Иерусалим в собственном понимании (как Новгород равен Ярославлю или Иерусалим пригороду современного Стамбула в непосредственно археологическом плане у академика Фоменко). Как отмечает А. М. Лидов, скорее речь идет о попытке создать идеальный слепок или пространственную икону. С. С. Аванесов пишет, что образ – это «во-первых, “отражение” реальности или “указание” на реальность (знак, “обозначающее”); такая позиция в конечном итоге означает, что сам образ – не реальность, а только семиотически значимый “посредник” между реальным человеком (“реципиентом”) и реальным миром (“обозначаемым”) <...> Во-вторых, образ – это вся реальность; он ни на что не указывает, кроме себя самого <...> в-третьих, образ – это органический и неустранимый “аспект” реальности, которая, в свою очередь, включает в себя и необразные (не-визуальные) характеристики и объекты. <...> входит в самую реальность культуры и, следовательно, в самую суть человеческого способа быть» (Аванесов, 2015).

Третий аспект «образа», вероятно, наиболее холистичен. И именно с ним работал патриарх Никон, никогда в Иерусалиме не бывавший. Безусловно, задача была не из легких. Исходя из указаний «Проскинитария» и имеющихся возможностей, Никон выбрал место к северо-западу от Москвы. Можно только догадываться, действительно ли изгиб реки Песчанки напоминал патриарху планы Кувуклии. Сыграло роль и то, что вокруг было немало объектов, потаенно осуществлявших функции воспроизведения Святой Земли (собственно Звенигород, располагавшийся к юго-востоку от Нового Иерусалима). Таким образом, Иерусалим Никона предстояло вписать в уже имевшуюся Русскую Палестину. Так, Саввино-Сторожевский монастырь воспроизводил подвиг св. Саввы Освященного, родоначальника палестинского монашества. Проект Никона был одобрен царем Алексеем Михайловичем в 1657 г. Можно сказать, что Никон освятил Русь, создавая новую особую икону Иерусалима, как сам Иерусалим IV в. стал иконой, созданной императором Константином и его матерью Еленой; Иерусалима времен Иисуса Христа и Ирода.

Далеко не все паломники писали отчеты о путешествиях в Святую Землю, но подобный жанр явно пользовался большим успехом. Одно из типичных (в хорошем смысле) произведений этого жанра – «Путешествие Николая Радзивилла», имеющее много общего с «Проскинитарием» Арсения Суханова. Князь Николай, ветеран Ливонской войны, получивший ранение при осаде Пскова, решает лечиться в Германии, но малый успех лечения заставляет его решиться, несмотря на некоторые колебания, на паломничество в Палестину, о чем он сообщает папе римскому. В путешествии его сопровождало восемь человек, в том числе повар и доктор. Князь подробно рассказывает о своем путешествии с самого начала. Радзивилл отправился из своего замка Несвиж. Если Арсений Суханов шел «русским путем» от Москвы до Константинополя, то Радзивилл решает сначала отправиться в Италию, чтобы посетить Рим. Вообще же до Петровского времени авторы вполне могли начинать свое описание путешествия именно Константинополем. Таким образом они сразу начинали описывать священное иномирное пространство, что не всегда понимали «патриотически» настроенные критики этого жанра (Федорова, 2014).

Какой же виделся Радзивиллу Иерусалим? Уже то, через какие ворота вступал в город паломник, было немаловажно. Обычно паломники останавливались в монастырях, но были возможны и необычные варианты. Центром паломничества, безусловно, был храм Воскресения. Радзивилл выделяет разделы о приделах храма; всего же он побывал здесь три раза. Сам Радзивилл не сосредотачивается на описании мест, в его поле зрения действия паломников: что у них в руках свечи, что они шли по двое. Радзивилл описывает именно движение от одной стоянки до другой. Но не будем вдаваться в подробный пересказ итинерария. В любом случае это рассказ об улицах Иерусалима, по которым путешествовал литовский магнат. Он прошел по *Via Dolorosa* (Федорова, 2014), причем интересно, что францисканский монах Бонифаций Рагузский обозначал так именно шествие пилигримов по Иерусалиму).

Количество остановок на крестном пути отличалось от современного. И все же Радзивилл отмечает количество мечетей, как ранее он первым в паломнической литературе описал сфинкса перед пирамидами в Гизе и мумии. Он проявляет интерес и к природе Святой Земли. В этом можно увидеть как результат прекрасного образования князя Николая Радзивилла, так и то, что он воспитывался в протестантской традиции, чтобы изменить ей с католической.

Итак, что же есть Иерусалим? Современная, не всеми признанная столица Израиля. Город, на протяжении веков неоднократно подвергавшийся насилию, со сменой парадигм и населения.

¹ Корнель П. Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб., 1999. 176 с.

Образ Небесного града, манипуляции с которым стали искусством для многих правителей и глав церквей. Попытки перенести Иерусалим и нострифицировать его проводились еще халифами, которые могли работать не с идеей, а с местностью. Стефан Лазаревич и патриарх Никон, не говоря о древних грузинских и армянских правителях выстраивали иконические Иерусалимы во вверенном им пространстве, как и многие аббаты монастырей. Прихожане мечтали унести Иерусалим с собой или приобретали его изображение в иконе. Многие пытались переселиться поближе к Иерусалиму во времена крестовых походов, что повлияло на саму историю Палестины. В ряде случаев воспроизводился не только Иерусалим, но и многие объекты Святой Земли, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, а иногда и всей историей еврейского народа.

Список источников:

- Аванесов С. С. Предметная сфера и эпистемическая структура визуальной антропологии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. Вып. 1 (3). С. 17–18.
- Воздух и Небеса в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2019. 168 с.
- Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 23.
- Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 718 с.
- Федорова И. В. «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII – начала XVIII в. СПб., 2014. С. 81.
- Чхартишвили М. Мцхета как Новый Иерусалим: иеротопия «Жития св. Нино» // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов М., 2009. 131–150.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. А. Г. Погоняло. СПб., 1998. С. 206.
- Erdeljan Jelena. Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Brill, 2017. [https://doi:10.1163/9789004345799](https://doi.org/10.1163/9789004345799).

References:

- Avanesov, S. S. (2015) Predmetnaya sfera i epistemicheskaya struktura vizual'noy antropologii [Objective sphere and epistemic structure of visual anthropology]. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 1 (3), 17–18. (in Russian)
- Chkharthishvili, M. (2009) Mtskheta kak Novyy Iyerusalim: iyeratopiya "Zhitiya sv. Nino" [Mtskheta as New Jerusalem: Hieratopia of the "Life of St. Nino"]. Lidov, A. M. (ed.) *Novyye Iyerusalimy. Iyerotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv*. Moscow, *Indrik*, 131–150. (in Russian)
- Эко, У. (1998) Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu [Missing structure. Introduction to semiology]. Translated by Pogonyailo, A. G. St. Petersburg, *Petropolis*, 206. (in Russian)
- Erdeljan, Jelena (2017) Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Brill. Available from: [doi:10.1163/9789004345799](https://doi.org/10.1163/9789004345799).
- Fedorova, I. V. (2014) "Puteshestviye v Svyatuyu Zemlyu i Yegipet" knyazya Nikolaya Radzivilly i vostochnoslavlyanskaya palomnicheskaya literatura XVII – nachala XVIII v. ["Journey to the Holy Land and Egypt" by Prince Nikolai Radziwill and East Slavic pilgrimage literature of the 17th – early 18th centuries]. St. Petersburg, *Pushkinskiy dom*, 81. (in Russian)
- Lidov, A. M. (2006) Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia]. Lidov, A. M. (ed.) *Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi*. Moscow, 23. (in Russian)
- Lidov, A. M. (ed.) (2019) Air and Heavens in the Hierotopy and Iconography of the Christian World. Material from the International Symposium. Moscow, *Theoria*, 168 p. (in Russian)
- Podosinov, A. V. (1990) Ex oriente lux. Orientation According to sides of the world in archaic cultures of Eurasia, Moscow, *Yazyki russkoy kultury*, 960 p. (in Russian)

Информация об авторе

А. М. Лотменцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент, кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=370469.

Information about the author

A.M. Lotmentsev – PhD in History, Associate Professor; Department of General History of the Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=370469.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.